

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/53/13

А.А. Санжеников

ИСТОКИ АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМАМ ТЕХНИКИ: АРИСТОТЕЛЬ ОБ ЭПИСТЕМЕ И ТЕХНЭ¹

Предпринята попытка продемонстрировать, что в античном понятии технэ имеет эпистемологическая компонента. Сначала кратко рассматривается диалог «Ион» Платона, затем внимание обращается к философии Аристотеля. Показано, что в технэ Аристотеля присутствует два уровня, которые условно можно назвать как «эпистемологический» и «практический».

Ключевые слова: технэ, техника, эпистеме, знание, Аристотель, теоретический разум, практический разум.

Считается, что аналитический подход к проблемам техники и технологии основывается на эпистемологических и праксиологических исследованиях и в силу этого позволяет добиться беспристрастной оценки [1. С. 102, 106]. С нашей точки зрения, эпистемологическая направленность аналитической философии техники определяется не только внутренней логикой аналитической философии и спецификой ее инструментария, но и характером рассматриваемого предмета. Иначе говоря, эпистемологическая составляющая была заложена еще в древнегреческом понятии «технэ» (ἡ τέχνη – искусство, мастерство, ремесло, умение), что и позволило в дальнейшем сформировать в рамках аналитической философии соответствующий подход к технике и технологии. В то же время если в отношении текстов Платона подобное заявление легко подтверждается прочтением диалога «Ион», то с философской системой Аристотеля в этом отношении все не так просто. Дело в том, что понятия «технэ» и «эпистеме» (научное знание) у Аристотеля четко разделены, что ставит под сомнение высказанное выше предположение. Поэтому нам необходимо предпринять специальное исследование, чтобы показать, что связь *технэ* и *эпистемы* неявно, но присутствует в философии Аристотеля.

Прежде чем обратиться к Аристотелю, кратко покажем: для Платона связь *технэ* и *эпистемы* не вызывала сомнения, что до некоторой степени обязывает его ученика признать это же положение, несмотря на то что по многим другим вопросам их мнения расходятся. Диалог «Ион», посвященный поэтическому искусству, начинается со слов восхищения, которые Сократ адресует рапсодам, знатокам поэзии. Зависть искусству рапсодов вызвана тем, что последним приходится не только заучивать стихи древних поэтов (в числе которых и божественный Гомер), но и «постигать их замысел» (τῆν τοῦτου διάνοιαν ἐκμανθάνειν) [2. С. 372]. Дальнейшее рассуждение так или иначе строится вокруг этого тезиса: если искусство рапсода действительно является искусством, то оно предполагает понимание смысла заучиваемых стихов, а следовательно, рапсод вслед за поэтом способен рассуждать на те

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-33-01169 «Эпистемические понятия в контексте практического разума в философии Аристотеля и Гуссерля».

же темы и владеть тем же знанием. Но, как выясняется в ходе диалога, Ион «не от выучки и знания» способен говорить о Гомере, но от «вдохновения и одержимости». Платон противопоставляет искусству божественную силу (вдохновение), при этом маркерами первого является знание и умение. «Ведь то, что ты говоришь о Гомере, все это не от искусства и знания (οὐ γὰρ τέχνη οὐδ' ἐπιστήμη), а от божественного определения и одержимости» [2. С. 379].

Одной из множества заслуг Аристотеля является кропотливая работа по концептуализации множества философских понятий, которые до него употреблялись в свободной форме, чтобы не сказать беспорядочно. Примером такой работы с философским понятийным аппаратом может служить шестая книга «Никомаховой этики», где он разводит такие понятия, как «искусство», «наука», «рассудительность», «мудрость», «ум», наделяя каждое понятие специфическими характеристиками и указывая каждому свой предмет. Другой пример – пятая книга *Метафизики*, которая полностью посвящена разъяснению таких философских понятий, как «начало», «причина», «элемент», «сущее», «сущность» и др.

По каким основаниям Аристотель различает *технэ* и *эпистеме*? Прежде всего это разделение проходит на онтологическом уровне: искусство как вещь, связанная с творчеством («пойесис»), касается того, что может быть и не быть, научное же знание (*эпистеме*) всегда имеет дело с неизменным бытием (тем, что не может быть иначе) [3. С. 173]. Следствием данного онтологического различия является различие в степени точности, которое демонстрируется на примере плотника и геометра, которые по-разному занимаются прямым углом (первому он нужен с той точностью, которая полезна для дела, а второму нужно знать точность угла по сути, как таковую) [Там же. С. 65]. Иначе говоря, искусство у Аристотеля связывается с полезностью, а научное знание с чистым теоретическим интересом. Наконец, различаются они и по степени общности, как это сообщается в первой книге «*Метафизики*». Искусство превосходит степень общности опыт: «...опыт есть знание единичного, а искусство – знание общего... мы полагаем, что знание и понимание (τό γε εἰδέναι καὶ τὸ ἐλαίειν) относятся больше к искусству, чем к опыту, и считаем владеющих каким-то искусством более мудрыми, чем имеющих опыт, ибо мудрость у каждого больше зависит от знания, и это потому, что первые знают причину, а вторые нет» [4. С. 66]. Однако оно уступает научному знанию (*эпистеме*), поскольку последнее касается *первых* причин и начал¹. Таким образом, *эпистеме* и *технэ* отличаются друг от друга областью применения (первое имеет дело с неизменным бытием, второе – с изменчивым), точностью (первое более точное, нежели второе), целью (цель первой – истина, второй – польза дела) и степенью общности (у *эпистемы* она выше).

Учитывая все описанные выше различия *эпистеме* и *технэ*, представляется, что ни искусство не может выступать помощницей научного знания, ни научное знание ничем не может помочь искусству. Но это не совсем так, несмотря на то что знание относится к теоретическому разуму, а искусство – к поэтическому разуму (в силу того, что относится к складу, предполагающему творчество [3. С. 176]), есть точки, в которых они встречаются неслу-

¹ Считается, что наиболее полное разъяснение *эпистеме* Аристотель дает во «Второй аналитике». Однако имеется общепризнанная проблема несоответствия предложенного понимания в этой книге тому методу, который сам Аристотель использует в других своих трактатах. Подробнее см.: [5].

чайным образом. Например, во второй главе 9-й книги «Метафизики» Аристотель отмечает, что «искусства и всякое умение творить суть способности» (αἱ τέχναι καὶ αἱ ποιητικαὶ ἐπιστήμαι δυνάμεις εἰσὶν). Искусство есть способность изменять вещи, причем в силу того, что эта способность основана на разуме, она, в отличие от тех способностей, которые не основаны на разуме, может изменять вещи в противоположных отношениях. Другими словами, искусство врачевания способно принести как здоровье, так и болезнь: «...одни и те же способности, сообразующиеся с разумом, суть начала для противоположных действий, а каждая способность, не основывающаяся на разуме, есть начало лишь для одного действия; например, теплое – это начало только для нагревания, врачебное же искусство – для болезни и здоровья» [4. С. 236]. По словам Аристотеля, «причина этого в том, что знание есть уразумение (λόγος ἐστὶν ἡ ἐπιστήμη), а одним и тем же уразумением выясняют и предмет, и его лишенность» [Там же]. Понятно, что человек, владеющий каким-либо искусством, имеет в своем разуме *логос* относительно предмета этого искусства, т.е. некоторое представление о том, что он намерен создать¹. Но зачем ему знание о «лишенности» этого предмета? Возможно, это объясняется тем, что человек искусный должен понимать грань между идеальным и неидеальным, чтобы знать и понимать, что предпринятые им действия достигли цели или, наоборот, были напрасными.

К вопросу о соотношении искусства и знания Аристотель обращается в другом месте «Метафизики». Здесь он проводит грань между тем, что создается благодаря природе, искусству, способности и размышлению. Для демонстрации того, как возникают вещи благодаря искусству, Аристотель опять обращается к здоровью и врачу: «здоровье – это уразумение (ὁ λόγος) и познание (ἡ ἐπιστήμη) в душе [врачевателя]. Здоровое состояние получается следующим ходом мысли [врачевателя]: так как здоровье есть то-то и то-то, то надо, если кто-то должен быть здоровым, чтобы в нем наличествовало то-то и то-то, например равномерность, а если это, то и теплота; и так [врачеватель] размышляет (νοεῖ) все дальше, пока наконец не придет к тому, что он сам в состоянии сделать (ποιεῖν). Начинающееся с этого времени движение, направленное на то, чтобы [телу] быть здоровым, называется затем созданием (ἡ κίνησις ποιήσις)» [Там же. С. 198–199]. Итак, из приведенного примера видно, что искусство врачевания требует уразумения (*логос*) и познания (*эпистеме*), которые принимают непосредственное участие в процессе излечения. Немаловажно отметить, что процесс излечения состоит из двух частей – размышления о причинах болезни и возможных способах лечения, с одной стороны, и «делания» больного здоровым – с другой. *Эпистеме* участвует в процессе излечения непосредственным образом лишь на первом этапе, и именно этот первичный поиск причин болезни и способов лечения следует рассматривать на предмет связи *технэ* и *эпистеме*. Здесь следует напомнить, что проблема совместного использования искусства и знания в философии Аристотеля связана прежде всего с тем, что искусство имеет дело с изменчивым бытием, а знание – с неизменным. Однако если мы будем учитывать выше приведенное различие двух этапов применения искусства, то увидим, что на первом этапе врач имеет дело с достаточно постоянными компонентами.

¹ «...через искусство возникает то, форма чего находится в душе» [4. С. 198].

Для начала он определяет здоровье как наличие ряда компонентов, неизменно присутствующих в здоровом человеке («здоровье есть то-то и то-то»). Затем он выстраивает своего рода силлогизм («так как здоровье есть то-то и то-то, то надо, если кто-то должен быть здоровым, чтобы в нем наличествовало то-то и то-то»). И затем, и это самое важное, он приходит к тому, что «он сам в состоянии сделать» (αὐτὸς δύναται ποιεῖν). Это замечание крайне важно, поскольку оно указывает на переход от области необходимого к области свободы. А ведь именно граница между свободой и необходимостью определяет границу между *эпистеме* и *технэ* (включая всю человеческую деятельность). Таким образом, в искусстве можно выделить два уровня, которые условно можно назвать как «эпистемологический»¹ и «практический». На первом уровне располагается знание о предмете, на втором – те усилия, которые ведут к созданию предмета, который ранее был лишь в мыслях владеющего искусством. Мы говорим об *условно* эпистемологическом уровне, потому что достаточная степень точности и необходимости в данном случае не выдерживается, поскольку знание о предмете искусства является лишь отчасти необходимым и по этой причине ограниченно универсальным (здоровье и его компоненты, например, зависят от страны проживания и других привходящих факторов).

Подводя итоги нашей статьи, напомним, что ее главной целью было показать, что аналитический подход к проблемам техники, характеризующийся вниманием к эпистемологической составляющей техники и технологии, имеет основания не только в специфике аналитической методологии, но и в природе техники, которая еще в Античности содержала эпистемологический компонент. В диалоге «Ион» Платон совершенно явно связывает *технэ* и *эпистеме*. В сочинениях Аристотеля этот вопрос уже приобретает неоднозначный статус, что связано с устроением понятия *эпистеме* и в целом с попытками Аристотеля сформировать более четкий философский аппарат. Следствием этого стало размежевание понятий теоретического разума от понятий практического и поэтического разума. В то же время это размежевание не могло быть тотальным в силу того, что человеческая рациональность по своей природе в равной мере основывается как на способностях теоретического разума, так и на способностях практического разума.

Литература

1. Ястреб Н.А. Аналитический подход в философии техники // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки. 2016. № 1. С. 102–108.
2. Платон. Ион / пер. Я. М. Боровского // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 372–385.
3. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н.В. Брагинской // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.
4. Аристотель. Метафизика / пер. М.И. Иткина. // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 64–367.
5. Barnes J. Aristotle's Theory of Demonstration // Phronesis. 1969. Vol. 14, № 2. P. 123–152.
6. Parry R. Episteme and Techne // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2014 Edition) / ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/episteme-techne> (дата обращения: 31.10.2018).

¹ Р. Перри обращает внимание на то, что человек, владеющий *технэ*, похож на человека, владеющего *эпистеме*, поскольку они оба могут высказывать универсальные суждения и оба отличаются знанием причин [6].

Alexander A. Sanzhenakov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: sanzhenakov@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 128–132.

DOI: 10.17223/1998863X/53/13

THE ORIGINS OF AN ANALYTICAL APPROACH TO THE PROBLEMS OF TECHNOLOGY: ARISTOTLE ON *EPISTEME* AND *TECHNE*

Keywords: technē; technology; epistēmē; knowledge; Aristotle; theoretical reason; practical reason.

The article is devoted to an attempt to demonstrate that the epistemological orientation of the analytical philosophy of technology is determined not only by the internal logic of analytic philosophy and the specifics of its tools, but also by the nature of the subject. In other words, the epistemological element was laid down in the ancient Greek concept ‘technē’ (ἡ τέχνη – art, handicraft, craft, ability), which made it possible to form an appropriate approach to technology and engineering within analytic philosophy. First, the author briefly considers Plato’s dialogue ‘Ion’, in which technē and epistēmē are explicitly linked and contrasted with divine inspiration. Further, the author shows that, in general, Aristotle, in contrast to Plato, was inclined to draw a clear line between technē and epistēmē. According to Aristotle, epistēmē and technē differ in the scope (the former deals with constant being, the latter with changeable one), the degree of accuracy (the former is more accurate than the latter), the goal (the goal of the former is truth, the goal of the latter is usefulness), and the degree of universality (epistēmē is more universal than technē). However, despite the fact that knowledge refers to the theoretical mind, and art to the poetic (or practical) mind, there are points at which they cross. This is well illustrated by the example of the medical craft. According to Aristotle, “health is the definition (ὁ λόγος) and cognition (ἡ ἐπιστήμη) in the physician’s soul.” Therefore, the healing process consists of two stages: at the first stage, the doctor reflects on the causes of the disease and methods of treatment; at the second, he concludes on what “he is able to do” (αὐτὸς δύναται ποιεῖν). This transition from reflecting to acting is the boundary between the epistemic and practical levels, since at the level of epistēmē, as mentioned earlier, one is dealing with constant being, and at the level of technē with changeable one. Thus, in art, one can distinguish two levels, which can be referred to as “epistemological” and “practical”. At the same time, one should speak about the epistemological component only to a certain extent because a sufficient degree of accuracy and necessity of epistēmē is not achieved in this case.

References

1. Yastreba, N.A. (2016) Analytical Approach in Philosophy of Technology. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*. 16(1). pp. 102–108. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-102-108
2. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 vols]. Vol.1. Moscow: Mysl'. pp. 372–385.
3. Aristotle. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works. In 4 vols]. Translated from Ancient Greek by N.V. Braginskaya. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 53–293.
4. Aristotle. (1976) *Sochineniya: v 4 t.* [Works. In 4 vols]. Translated from Ancient Greek by M.I. Itkin. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 64–367.
5. Barnes, J. (1969) Aristotle’s Theory of Demonstration. *Phronesis*. 14(2). pp. 123–152.
6. Parry, R. (2014) Episteme and Techne. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/episteme-techne> (Accessed: 31st October 2018).